Мольера с ее тщательно разработанным искусством характеристики. В своем портрете ханжи Ла Брюйер, с одной стороны, отталкивается от Тартюфа и, с другой, полемизирует с ним. Он явно стремится снять черты гротескного заострения, которые кажутся ему черезчур грубыми и преувеличенными, смягчить их и придать им больше правдоподобия: «Он (ханжа) не скажет: "моя плеть", "моя власяница" (ср. первую реплику Тартюфа, д. III, явл. 2-е: «Лоран, примите плеть, примите власяницу...», — H. C.), но сделает так, что ему и без слов поверят, будто он носит власяницу и бичует себя плетьми». «Если ему удастся внушить доверие какомунибудь состоятельному человеку, который может оказать ему поддержку, он не станет ухаживать за его женой, признаваться ей в любви и т. п.». «Он не будет пытаться получить все его наследство или дарственную на имущество, особенно если речь идет о том, чтобы отнять его у сына, у законного наследника...». 8

В этой завуалированной, но несомненной полемике с Мольером Ла Брюйер следует классицистическому принципу логического правдоподобия характера. Его ханжа обрисован тоньше, но заметно обеднен по сравнению с Тартюфом— он гораздо безобиднее, масштабы его деятельности уже. Ла Брюйер (как и Буало в XI и XII сатирах) полностью игнорирует существенный дополнительный штрих, введенный Мольером, — Тартюф как шпион и доносчик выпадает из рационалистической схемы «единого» и последовательного, «цельного» характера. Поставив своей задачей дать обобщенный тип лицемерного ханжи, Ла Брюйер сосредоточивает все внимание на морально-психологическом портрете, упрощая или оставляя в стороне социальные связи, придающие образу Тартюфа обличительную силу. Этот метод можно проследить и на других характерах, нередко тематически перекликающихся с комедийными образами Мольера. Социально-конкретизованные, гротескнозаостренные типы Мольера подвергаются в «Характерах» рационалистическому анализу, разлагающему их на составные части. абстрагируются и обедняются.

Особенно заметно эта разница выступает при сопоставлении самого сложного и многогранного образа, созданного Мольером, — Дон-Жуана с соответствующими типами у Буало и Ла Брюйера.

В IV сатире Буало (1664) в числе других примеров «отклонения от разумной человеческой природы» непосредственно за типом ханжи следует краткая (всего шесть стихов) характеристика светского вольнодумца и скептика, для которого «высший закон — его прихоти». Для Буало вольнодумие в религиозных вопросах — факт не мировозэренческий, а моральный.

⁸ La Bruyère. Les Caractères. Hachette, ed. 9-me, Paris, pp. 412, 414, 415.